

Н.И. Лишова, кандидат филологических наук
Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, Елец (Россия)

Ключевые слова: индийская мифология; древнегреческая мифология; египетская мифология; славянская мифология; мотив странствий; пространство и время; хронотоп; горизонтальный и вертикальный типы пути.

Аннотация: Различные вариации хронотопа пути-дороги особенно актуальны для мифологического дискурса, в котором пространство и время нерасторжимы. Архаическое сознание четко структурирует бесконечное пространство. Здесь часто встречаются такие архетипические символы, как пуп земли, камень, мировая гора, мировое древо и т. д. Если говорить о локальных оппозициях, свойственных мифологическому контексту, то прежде всего это такие оппозиции, как: пространство – хаос, земной мир – «царство мертвых», подземный мир и небесный, север – юг и др. Что же касается темпоральных оппозиций, то в первую очередь это противопоставление весна, лето – осень, зима. В мифологическом дискурсе физические перемещения героев в пространстве и времени и их душевные странствия всегда выступают как сюжетобразующие и смыслообразующие. Как правило, в архаическом сознании время и пространство представляют собой единое целое, что ярко прослеживается на конкретных примерах из индийской, древнерусской, древнегреческой мифологии. Не исключение и славянская мифология, которая имеет индоевропейские корни. Здесь также для реализации мотива странствий актуальны характеристики времени и пространства. Обязательны в мифологическом метатексте различные локальные и темпоральные ориентиры, помогающие героям в борьбе со злом и в преодолении ими самых сложных препятствий. Мифологема «путь» рождает самые разные виды путешествий – от физического до духовного. Причем физическое странствие невозможно без духовного, оно всегда сопровождается ментальным взрослением героя, что часто рождает различные варианты рассматриваемого мотива. Таким образом, мотив странствий в мифологическом дискурсе выступает как инвариант, который способен организовать вокруг себя всевозможные смыслы.

Дорога, путь являются многофункциональными пространственными ориентирами в системе метафорического мышления, о чем свидетельствуют многочисленные работы современных литературоведов (Т.Э. Демидовой, А.И. Карпенко, А.И. Куприяновой и др.).

Хронотоп пути может приобретать и аксиологическое измерение: «... поскольку художественное пространство становится формальной системой для построения различных, в том числе и этических, моделей, возникает возможность моральной характеристики литературных персонажей через соответствующий им тип художественного пространства, которое выступает уже как своеобразная двуплановая локально-этическая метафора» [1, с. 255].

Различные вариации хронотопа пути-дороги встречаются в произведениях, различных по жанру, образно-структурной и мотивной организации, по времени написания и другим параметрам. Довольно часто рассматриваемый хронотоп позиционируется как «путь жизни», «жизненный путь», «дорога судьбы» и т. д.

Это особенно актуально для мифологического дискурса, в котором странствия героев и соответствующий хронотоп являются важнейшими определяющими элементами, а пространство выступает в качестве оживотворенного и одухотворенного феномена. Оно не бывает полым, его конструируют, как правило, вещи. Нередко пространству противопоставляется хаос как нечто необустроенное, неструктурированное.

Как правило, в древнем сознании пространство и время нерасторжимы, о чем свидетельствуют лингвистические данные. «Классический образец – лат. orbis, «окружность», «круг», но и – «земной круг», «мир», «земля» ... и, наконец, «человечество», «человеческий род», целый ряд круглых предметов и т. п.» [2, с. 340].

В.Н. Топоров справедливо утверждает, что по отношению к локусу как к чему-то развертывающемуся, открывающемуся, «особенно показательным нужно

считать русское слово «пространство», обладающее исключительной семантической емкостью и мифопоэтической выразительностью» [2, с. 341]. В архаических представлениях пространство расчленено и составлено, его можно измерить, а в более поздние эпохи отразить его в слове, сообщив ему аксиологическое измерение, в том числе и эстетическое.

В мифологии различные части пространства чаще всего происходят из единого источника, например, из тела первочеловека. Так, в индийской мифологии Пуруша, являясь первочеловеком, приносится в жертву вследствие расчленения его на части, из которых возникает в том числе и мир пространственных множеств. Интересно, что в более поздних представлениях индийцев Пуруша, трансформируясь в Праджапати, рождает космическое время. В древнерусской «Голубиной книге» имеется представление о сопоставлении микро- и макрокосма, о творении изначального пространства из тела первочеловека.

Для архаического сознания чрезвычайно важным оказывалось структурирование бесконечного пространства, исходя из какого-то центра, отсюда актуализация таких древнейших архетипических пространственных символов, как пуп земли, камень, мировая гора, мировое древо, а в более поздние эпохи – храм, алтарь, крест, сакрализованные в христианстве. Путь к ним может иметь как вертикальный, так и горизонтальный характер. Эти сакральные пространственные вехи могут содержать в себе внутренние ценности (амулеты, магические предметы, в христианских храмах – иконы, частицы святых мощей и т. д.). Мифические герои путешествуют в пространстве и во времени: в пространстве решается их судьба, они побеждают силы хаоса, проходят инициацию и т. д. В этом случае фиксируется начальная точка пространственных перемещений и их конец, предел. При этом пространственное движение совершается в известных границах, которые требуют

от мифических героев особого напряжения витальных сил – это многочисленные пороги, мосты, лестницы, двери, окна. Актуальны в мифическом и в более позднем сказочном дискурсе перекрестки, развилки дорог, лес, болото – чужие неосвоенные локусы, враждебные, отмеченные «дурной», отрицательной семантикой. Как правило, в пути героя подстерегают различные опасности, испытания. Это проверка его физических и духовных сил: путь «в нижний мир», «в тридевятое царство», в царство смерти. В мифологии актуализируются два типа пути: горизонтальный и вертикальный. В процессе горизонтального пути мифологический персонаж из своего, как правило, обжитого пространства уходит в чужое. Довольно часто путь являет собой движение к сакральному центру или же, наоборот, к чужой периферии, время пути чаще всего предстает как событийное: борьба со злом в самых различных проявлениях, которая рождает самые неожиданные препятствия. В этой борьбе дорога, по которой следует мифический персонаж, может изменяться: превращаться в лабиринт, непроходимое болото, огненную реку, путь может сжиматься и разжиматься. Мифический путь связан с солярными или лунарными божествами.

Вертикальный путь способны совершать служители культа, впрочем, таким путем может пройти и обычный персонаж – это путешествие его души.

Мифологические персонажи нисходят в подземный мир, в «страну без возврата» (шумерская богиня Иштар), преодолевают различные преграды в подземном мире (шумерский и аккадский миф о Гильгамеше): «он проходит подземным путем бога Солнца Шамаша сквозь окружающую обитаемый мир гряду гор, посещает чудесный сад и переправляется через воды смерти...» [3, с. 303].

Герои древнегреческой мифологии совершают как горизонтальные, так и вертикальные путешествия. Так, Орфей, обладающий магической силой музыкального искусства, вместе с аргонавтами плывет за золотым руном, своей игрой успокаивая волнения на море, спасает аргонавтов от сирен, заглушив их пение своей песней. После смерти любимой жены Эвридики отправляется вниз (вертикальная траектория), в царство мертвых, в котором всех – Аида, Персефону, Эринний – покоряет своим пением, и они позволяют вернуться Эвридике в мир света и жизни, но с условием, оказавшимся для Орфея сколь простым, столь и трагически невыполнимым.

В трудное путешествие за Золотым руном отправляются аргонавты; в греческой мифологии подробно описываются пространственные вехи их плавания: река Анвар, переходя которую Ясон потерял сандалию, Пелия, где правил коварный Пелий, Пагасейский залив, остров Лемнос, Геллеспонт, остров Кеос, плавучие скалы Симпленгады – вплоть до Кавказа, где аргонавты слышат стоны прикованного Прометея. При этом каждый локус является судьбоносным для путешественников, одаривая или отторгая аргонавтов.

Эней, сын Афродиты, совершает «нисхождение в царство мертвых». Одиссей, царь острова Итака, испытывавший в своем путешествии и возвращении на родину гнев богов, претерпевает множество невзгод, страданий, но побеждает их благодаря уму, хитрости. Совершая множество подвигов, благодаря своим талан-

там он реализует главный из них – побеждать не столько благодаря физической силе и мужеству, сколько уму и красноречию. Путешествие Одиссея выявляет его величие – «велик душой и сердцем», «безупречность», соперничавшую с хитростью и изворотливостью. «Одиссея» – это поэма прежде всего о возвращении героя, здесь актуализирован обратный путь, реализующий авантюрно-сказочную семантику. Одновременно Одиссей предстает как жестокий и суровый человек, типичный для архаической греческой героики, но эти качества как бы редуцируются, отступают перед новым типом героизма – интеллектуального.

Ведомый умной и проницательной Афиной, он может многое, в том числе и обращать во благо злых чародеев, вроде волшебницы Кирки: «Одиссею помогают не только олимпийцы, как Гермес с его волшебной травой, но он заставляет себе служить, обращая во благо, злое чародейство Кирки, отправляясь бесстрашно в Аид с полным сознанием своей будущей судьбы. Недаром боги опасаются, что, если они не вернут домой Одиссея, он «вопреки судьбе вернется сам» [4, с. 244].

В египетской мифологии немало мифов о сотворении мира, связанных с солярными божествами, рассказывают о путешествиях, преимущественно по кругу. Так, в мифических рассказах бог Ра днем плывет по небесному Нилу, освещая все, что находится на земле, а вечером оказывается перед воротами преисподней и затем уже путешествует под землей – по подземному Нилу. Это соответствует архаичным представлениям древних египтян, согласно которым небо являет собой водное пространство – небесный Нил. Но есть и подземная река Нил, по которой путешествует Ра. Бог Хапи символизировал Нил, протекающий по земле, и от воли этого божества зависит плодородие земли и благополучие людей.

Жизнь человека продолжалась и после смерти. Душа человека начинала свои загробные странствия по подземному царству, причем грешников пожирало ужасное чудовище Алет, а праведники, оправданные на суде Осириса, оживали «для счастливой жизни на полях Иару».

Славянская мифология, представляя собой совокупность древних представлений праславян, свидетельствует о религиозно-мифологической целостности праславянского мира.

Нет сомнений в индоевропейском истоке славянской мифологии. Наиболее актуальны здесь для реализации мотива странствий, как и в других мифологических сюжетах, характеристики времени и пространства. Грозные боги, как, например, бог грозы Перун, обитают, как правило, на вершине вертикальной оси древнейшей картины мира, а его антагонист Велес прячется где-нибудь внизу, чаще в каменной расселине, под деревом. Это соответствует универсальному пространственно-мифологическому образу – дереву жизни или мировому дереву: «С помощью мирового древа моделируется тайная вертикальная структура мира – три царства: небо, земля и преисподняя, четверичная горизонтальная структура (север, запад, юг, восток), жизнь и смерть (зеленое цветущее дерево и сухое дерево, дерево в календарных обрядах) и т. п.» [5, с. 451].

Древний мифообраз представлен системой бинарных пространственно-временных оппозиций. Главная

из них – противопоставление верха – низа, символизирующая оппозицию небо – земля, то есть вершина и корни древа жизни.

К этому противопоставлению примыкают темпоральные символы весны, лета – осени, зимы. Благословенные взаимоотношения между небом и землей символизируют время пробуждения природы – весну, архетипический символ вечного возвращения жизни в природе. Весна актуализируется в мифологических персонажах, воплощающих плодородие – Костроме, Яриле, Авсене. Горизонтальные пространственные оппозиционные локусы: юг – север, восток – запад указывают не только на движение по солнцу, но и на аксиологическую составляющую: восток связан со светом, радостью, победой над тьмой.

Мифологема «путь» имеет множество ракурсов: это преодоление пространства, в процессе которого рождаются все различные виды путешествий – от физического «обживания» пространства с самыми различными целями или бесцельно до духовного, до той вечно чаемой

встречи творения и Творца – путь к вечности, Богу, к Истине. Путь, как правило, связан с аксиологическим качеством. «Путь – это одна из наиболее значимых возможностей выйти на встречу собственной судьбе, осуществить возможное или предначертанное» [6, с. 71].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лотман Ю.М. О русской литературе. Статьи и исследования (1958-1993) : история русской прозы и теория литературы. СПб., 1997. 848 с.
2. Топоров В.Н. Пространство // Мифы народов мира. М., 1980. Т. 2. С. 341–342.
3. Афанасьева В.К. Шумеро-аккадская мифология // Мифы народов мира. М., 1980. Т. 2. С. 647–653.
4. Лосев А.Ф. Одиссей // Мифы народов мира. М., 1982. Т. 2. С. 218–241.
5. Иванов В.В., Топоров В.Н. Птицы // Мифы народов мира. М., 1980. Т. 1. С. 389–406.
6. Борисова Н.В. Жизнь мифа в творчестве М.М. Пришвина. Елец, 2001. 82 с.

MOTIF OF WANDERINGS IN THE MYTHOLOGICAL DISCOURSE

© 2014

N.I. Lishova, Candidate of philological sciences
Eletskii State University named after I.A. Bunin, Yelets (Russia)

Keywords: way; wandering; locus, myth; chronotop; horizontal and vertical types of a way.

Annotation: Different chronotope variations of a way and road are important for mythological discourse where space and time are inseparable. Archaic consciousness clearly structures the infinite space. Here one can meet such archetypal symbols as the hub of the universe, the stone, the world mountain, the world tree and others. If we speak about local oppositions, which are typical for mythological scope, first of all there will be such oppositions as space and chaos, earth's world and deadman kingdom, underground world and divine, north and south, and others. As for temporal oppositions they are: contrasting of spring, summer and of autumn, winter. The physical movement of characters in the locus and the time, their mental wandering always act as basis for the plot and sense in the mythological discourse. Usually the locus and time represent a single whole in the archaic conscious which is strikingly traced in specific examples from Indian, Old Russian and ancient Greek mythology. The Slavic mythology is not the exception – it has the Indo-European origin. Here the space and the time are important for realization of the motive of wanderings. Different local and temporal orients are necessary in the mythological hypertext; it helps the characters to fight with the evil and to surmount difficult obstacles. The concept of a way gives rise to different kinds of travel – from a physical way to a mental one. And the physical wandering is impossible without spiritual wandering; it always entails mental growing of the character. It often bears different variants of this motif. So, the motif of wanderings in the mythological discourse is presented as the invariant which can attract various meanings.